

РАЗВОД С ДРАКОНОМ-ТИРАНОМ

ХОЗЯЙКА
ПРОКЛЯТОГО
ПОМЕСТЬЯ

ДИАНА ФУРСОВА

Диана Фурсова

**Развод с драконом-тираном.
Хозяйка проклятого поместья**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом-тираном. Хозяйка проклятого поместья /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Её развели на глазах у Совета — холодно, публично, без права на объяснение. Веру объявили «позором рода» и сослали в Чернокамень: проклятое поместье с долгами, запретом на выезд и репутацией могилы для неугодных. Но Чернокамень не дождался покорной жертвы. Вместо слёз — инвентаризация, вместо истерик — порядок, вместо молитв — работа. Дом слушает. Проклятие питается страхом и ложью. А в столице уже шепчутся: бывшая герцогиня — ведьма, которая «приворожила» дракона и крадёт силу. Он — дракон-тиран, вынужденный держаться ледяным при всех. Она — женщина, которую пытались стереть навсегда. Между ними — развод, измена, долг, клятвы и опасная химия. Чтобы выжить и спасти людей, им придётся заключить новый договор... и переписать чужую игру, где Вера должна была стать всего лишь «ключом». Чернокамень оживёт. Или сгорит. Вопрос только — кто первым дрогнет.

Содержание

Глава 1 — Приговор на балу	5
Глава 2 — Чернокамень встречает хозяйку	12
Глава 3 — Цена тишины	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1 — Приговор на балу

Музыка не оборвалась — оборвалось что-то в груди.

Вера почувствовала это ещё у порога: будто зал, залитый золотом свечей, не выпускал её, а принимал как приговорённую. Две створки двери распахнулись, и на неё разом обрушились сотни взглядов — любопытных, хищных, снисходительных, жалостливых. Самые неприятные были не те, что жалели. Самые неприятные — те, что уже всё «знали».

Лакей объявил её имя слишком громко. Или ей так показалось.

— Герцогиня Арден, — прозвучало, и слово «герцогиня» отозвалось фальшивой нотой. Она сделала шаг. Второй. Третий.

Шёлк её платья шуршал, как лист бумаги, на котором сейчас напишут окончательный приговор. Она держала спину ровно, подбородок — чуть выше обычного, потому что если опустить его хоть на сантиметр, кто-нибудь обязательно решит, что она уже сломалась.

«Не здесь», — приказала себе Вера. «Не при них».

Слева под высокими окнами стояли дамы, похожие на букет холодных цветов: драгоценности, улыбки, веера. Справа — мужчины в мундирах и парадных камзолах, некоторые с серебряными чешуйками на воротниках — знак службы в драконьем войске. У дальней стены, на помосте, сиял стол Совета Чешуи: тёмное дерево, резьба в виде переплетённых крыльев, над ним — герб Империи.

И в центре всего этого — он.

Рэйгар Арден стоял у трона, немного в стороне, чтобы казаться не подданным и не хозяином, а чем-то третьим: силой. Высокий, широкоплечий, слишком спокойный. Его чёрные волосы были собраны лентой, на пальцах — перстни с камнями цвета угля. На груди — цепь с гербом дома Пепельных Крыльев.

Вера знала каждый его жест. Когда он опирался на трость — значит, терпел чужую глупость. Когда держал руки сцепленными за спиной — значит, контролировал ярость. Когда смотрел прямо — значит, решал убивать или миловать.

Сейчас он смотрел не прямо.

Он смотрел куда-то сквозь зал. Сквозь музыку. Сквозь неё.

И не встретился с её взглядом.

Вера подошла ближе, шаги считая так, будто шла по канату над пропастью. Она ожидала... чего угодно. Скандала. Упрёка. Приказа вернуться в их покои и молчать. Даже холодного: «Позже». Но она не ожидала этой тишины вокруг себя — тишины, которую люди умеют создавать только из сплетен.

— Она всё-таки пришла, — прошептала кто-то за ееером.

— Смелая. Или глупая, — ответила другая.

— Герцог сегодня объявит...

— Тише.

Слова вязли, как сироп. Вера слышала каждое — и делала вид, что не слышит ни одного.

Она остановилась в нескольких шагах от помоста. По правилам двора — на расстоянии уважения. По правилам мужа и жены — слишком далеко. По правилам врагов — слишком близко.

Рэйгар поднял руку.

Музыка стихла мгновенно, будто музыкантов ударили по пальцам невидимой линейкой. Даже смех затих. Даже дыхание.

— Леди и лорды, — голос Рэйгара был ровным, без дрожи, без привычной насмешки. — Совет Чешуи просил тишины. Сегодня мы завершаем вопрос, который слишком долго отравлял дом Арден.

Слова упали на пол, как нож.

Вера почувствовала, как в животе холодно. Но лицо её не изменилось.

— Герцог, — произнесла она, и голос прозвучал удивительно спокойно. — Если речь обо мне, то, возможно, стоит...

Он не дал ей договорить.

— Стоит, — кивнул Рэйгар. Его взгляд скользнул по ней так, будто она была не человеком, а строкой в отчёте. — Именно поэтому ты здесь.

«Ты». Ни «Вера». Ни «моя». Ни «герцогиня».

Только «ты».

На помост поднялся канцлер — сухой мужчина с чернильными пальцами и глазами, которые не задерживались на лицах. Он развернул свиток, и печать на нём блеснула красным.

— По требованию Совета Чешуи и в присутствии свидетелей, — начал канцлер, — рассматривается дело о несоответствии герцогини Арден обязанностям дома Пепельных Крыльев...

Вера сделала вдох. Медленный. Контролируемый.

«Вот оно».

— ...о неспособности дать наследника, — продолжал канцлер, — о нарушении клятвы супружеской верности...

В зале кто-то тихо ахнул — не от шока, а от удовольствия.

Вера улыбнулась — узко, остро.

— Нарушении? — переспросила она громче, чем позволял этикет.

Канцлер не поднял глаз.

— Имеются свидетельства, — сухо ответил он. — Слуги. Письма.

— Письма? — Вера сделала шаг вперёд. — Прекрасно. Тогда покажите письма.

Шёпот вокруг взметнулся, как стая птиц.

— Герцогиня, — вмешалась жрица печатей, сидевшая за столом Совета. Её голос был мягким, но от него по коже пробежали мурашки. — Здесь не место для истерик.

— А где место для правды? — Вера повернула голову к ней. — В коридоре? В постели? Или в том самом «прекрасном месте», где удобно душить слова?

Жрица едва заметно улыбнулась — как улыбаются, когда видят чужую кровь и знают, что она ещё польётся.

— Ты забываешься.

— Нет, — Вера посмотрела на Рэйгара. — Я как раз начинаю вспоминать.

Он наконец поднял взгляд.

На долю секунды — всего на долю — Вера увидела в его глазах то, что не видели другие. Не злость. Не презрение. Усталость. Такая, будто он уже пережил этот момент много раз — и каждый раз умирал по кусочку.

И тут же — снова лёд.

— Ты хочешь правды? — спросил Рэйгар негромко, но так, что зал слушал каждую букву. — Хорошо. Правда в том, что дом Арден не может позволить себе слабость.

— Слабость — это я? — Вера не повысила голос. Не дала ему удовольствия.

— Слабость — это пустая колыбель, — ответил он. — Слабость — это слухи. Слабость — это сомнения в моей крови.

— В твоей крови сомневаются из-за меня? — Вера усмехнулась. — Как удобно.

— Ты пришла спорить? — его губы дрогнули, но не в улыбке. — Или ты пришла принять то, что неизбежно?

Вера почувствовала, как пальцы на руках онемели. Она спрятала их в складках юбки, сжала ткань так, что костяшки заболели.

— Неизбежно? — повторила она. — Значит, ты уже всё решил.

— Решил не я один, — холодно сказал Рэйгар и кивнул на Совет.

Селестина Вельор сидела чуть правее жрицы печатей — там, где обычно не сидят те, кто «не имеет отношения». Свет свечей делал её волосы почти белыми, а улыбку — почти невинной.

Вера встретила её взглядом — и всё стало проще.

Селестина слегка наклонила голову. Почти вежливо. Почти сочувственно.

И очень, очень уверенно.

«Ты», — поняла Вера. «Это ты устроила. Или ты — часть этого».

— Есть ли у обвиняемой последнее слово? — спросил канцлер.

Слова «обвиняемой» ударили сильнее, чем «развод».

Вера медленно вдохнула, почувствовала запахи зала: вино, духи, горячий воск, металл. И ещё — едва уловимый запах дыма. Драконьего.

— Моё последнее слово? — она посмотрела на людей. На женщин, которые прятали улыбки. На мужчин, которые делали вид, что им скучно, но слушали жадно. — Вы хотите, чтобы я плакала? Чтобы умоляла? Чтобы ползала?

Тишина стала гуще.

— Нет, — произнесла Вера. — Я скажу вам то, что вы не любите слышать. Я была верна. Я делала всё, что от меня требовали. Я пыталась стать частью дома, который меня никогда не принимал.

Она повернулась к Рэйгару.

— А ты... ты даже не пытался.

У него на скулах выступили тени.

— Осторожнее, Вера.

Она услышала своё имя — и сердце предательски стукнуло сильнее.

— О, значит, всё-таки помнишь, как меня зовут, — тихо сказала она. — Прекрасно. Тогда запомни и это: ты можешь забрать у меня титул. Дом. Платье. Кольцо. Но ты не заберёшь мою волю.

Селестина вдруг рассмеялась — коротко, как звон бокала.

— Какая речь, — протянула она. — Почти трогательно. Но ведь мы все знаем, чем заканчиваются красивые слова без наследника.

— Тихо, леди Вельор, — строго сказала жрица, но в строгом звучала улыбка.

Вера перевела взгляд на Селестину.

— Ты здесь слишком смело сидишь для человека, который «не имеет отношения».

— О, я имею отношение, — Селестина подняла подбородок. — Я имею отношение к будущему герцогства. А ты — к его прошлому.

— Прошлое иногда возвращается, — ответила Вера. — Особенно если его похоронили живым.

Она увидела, как у Селестины дрогнули пальцы на подлокотнике кресла.

Маленькая победа. Крошечная.

Но своя.

Канцлер кашлянул.

— Совет постановил: брак между герцогом Рэйгаром Арденом и Верой Арден считается расторгнутым. Титул герцогини снимается. Имущество дома Пепельных Крыльев подлежит возврату...

— Ты серьёзно? — Вера повернулась к Рэйгару. — Ты хочешь забрать даже мои личные вещи?

— Всё, что носило знак дома, принадлежит дому, — сказал он. — Правила.

— Правила, — повторила Вера. — Ты так прячешься за правилами, что скоро они станут твоей кожей.

Он шагнул ближе, и воздух будто стал горячее.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни, — Вера подняла лицо. — Хоть раз объясни.

И вот тут — трещина.

Не в голосе. Не в лице. В пальцах.

Рэйгар поднял руку, чтобы взять у канцлера перо. И его пальцы дрогнули так, что чернила капнули на край бумаги.

Вера это увидела.

Она увидела — и поняла: он не камень. Он заставляет себя быть камнем.

— Подпишите, герцог, — напомнил канцлер.

Рэйгар взял перо. Чёрное. Тяжёлое. С камнем на конце — обсидиан, как ночное окно.

Он наклонился над документом.

Вера не отводила глаз.

«Посмотри на меня», — хотелось сказать ей. «Хотя бы сейчас».

Но он не посмотрел.

Он поставил подпись — коротко, резко, словно рубанул.

Печать на документе вспыхнула красным, и кто-то в зале удовлетворённо вздохнул, будто увидел фейерверк.

— Теперь ты свободна, — произнёс Рэйгар.

Свободна.

Это слово прозвучало как насмешка.

— Свободна? — Вера усмехнулась. — Тогда где мой выход?

Жрица печатей поднялась. На её ладони лежал второй свиток — с печатью чёрного воска.

— Выход есть, — сказала она ласково. — Туда, куда отправляют тех, кто не понимает своего места.

— Ссылка, — прошептал кто-то. — Её ссылают.

Вера взяла свиток не сразу. Посмотрела на печать — чёрная, будто кусок ночи, вдавленный в бумагу. На ней была вырезана башня и крылья.

— Чернокамень, — прочитала она вслух.

Слово прокатилось по залу.

— Ох... — кто-то не сдержал настоящего страха.

— Туда? — спросил кто-то тихо. — Но там же...

— Там же проклятие, — ответили шёпотом.

Вера почувствовала, как кожа на пальцах стала горячей, будто печать уже прожигала её через бумагу.

— Это шутка? — она посмотрела на Рэйгара. — Ты отправляешь меня в Чернокамень?

— Это решение Совета, — отрезал он.

— И ты согласился.

— Я подписал.

— Ты даже не торгуешься за меня, — сказала Вера, и в голосе вдруг прорезалось то, что она держала внутри: тонкая, режущая боль.

Рэйгар наклонился к ней так близко, что только она услышала:

— Если бы я торговался, они потребовали бы твою кровь.

Вера замерла.

— Что?..

— Иди, — прошептал он так же тихо. — И не оглядывайся.

Она хотела спросить. Хотела вцепиться в эту фразу, как в спасательный канат. Хотела вытащить из него правду. Но вокруг были глаза. Уши. Политика. Ловушка.

Вера отступила на шаг.

— Значит, вот так, — сказала она громко. — Прекрасно. Я принимаю ваш приговор. Зал зашевелился: кто-то разочарованно, кто-то удовлетворённо.

— Я поеду в Чернокамень, — продолжила Вера. — Я буду жить там, где вы меня похоронили заранее.

Она посмотрела на Селестину.

— И если я вернусь...

Селестина улыбнулась шире.

— Ты не вернёшься.

Вера улыбнулась в ответ — холодно, но искренне.

— Это мы ещё посмотрим.

Жрица печатей протянула ей тонкий металлический браслет — будто украшение. Вера не хотела брать. Но стража уже подошла ближе.

— Что это? — спросила она.

— Формальность, — ответила жрица. — Запрет на выезд. Чтобы ссылка не превратилась в прогулку.

— Формальность, — повторила Вера и подняла браслет. Внутри, на гладком металле, была выгравирована руна.

Она узнала её, хотя не должна была.

Руна означала: «порог». «граница». «цепь».

Вера надела браслет на запястье — и металл сомкнулся сам, как живой. Ледяной укус, вспышка боли, затем — тепло, будто под кожей загорелся тонкий угольный след.

Она не вскрикнула.

Она посмотрела на Рэйгара, ожидая хоть чего-то.

Он стоял неподвижно. Лицо — камень. Но взгляд... взгляд на секунду задержался на её запястье.

И в нём мелькнуло что-то тёмное.

Страх?

Вина?

Сожаление?

Вера не успела понять. Он уже отвернулся, будто это не он только что заковал её.

— Отведите, — приказал канцлер.

— Не надо, — сказала Вера стражникам, когда те шагнули ближе. — Я умею ходить сама.

Она развернулась и пошла через зал, словно по раскалённым углям. Её юбка касалась пола, и каждый шорох казался ей громче музыки.

Сзади снова заиграли скрипки — будто ничего не произошло. Люди засмеялись, заговорили. Кто-то поднял бокал. Кто-то уже начал обсуждать, какого цвета будут ленты на новой свадьбе.

Вера шла и слышала обрывки:

— Наконец-то...

— Слишком долго терпел...

— Говорят, она...

— Чернокамень её...

У двери её догнал капитан стражи — молодой, но с каменным лицом.

— Карета готова, леди... — он запнулся и быстро исправился: — Вера.

Это было почти милосердие. Почти.

— Где моя служанка? — спросила она, не глядя на него.

— Вам разрешено взять один сундук.

— Один? — Вера остановилась. — А остальное?

— Остальное принадлежит дому Арден.

— Конечно, — сказала она. — Всё принадлежит дому Арден. Даже воздух.
Капитан сглотнул.

— Вы не понимаете, — прошептал он. — Чернокамень...

— Я уже слышала, — оборвала Вера и пошла дальше.

В коридоре было прохладнее. Здесь не пахло духами и вином. Здесь пахло камнем, пылью и... тем самым дымом. Драконьим. Как будто стены дворца помнили, сколько раз здесь принимали решения, от которых ломались люди.

Вера шагнула к выходу — и браслет на запястье вдруг потеплел.

Не просто потеплел — обжёг.

Она дёрнулась и инстинктивно отдёрнула руку, будто прикоснулась к раскалённому металлу.

— Что за... — прошептала она.

— Порог, — тихо сказал капитан. — Запрет чувствует границу дворца.

— Значит, это работает прямо сейчас, — Вера стиснула зубы.

— Да.

— И если я попытаюсь...?

Капитан не ответил. Но его молчание было красноречивее слов.

Вера посмотрела на свою ладонь. На коже, под браслетом, проступил тонкий рисунок — будто чешуйка, будто ветка, будто трещина. Она моргнула — и рисунок исчез. Или ей показалось.

Но боль осталась.

— Дайте мне документ, — потребовала она.

Капитан протянул свиток с чёрной печатью.

Вера сломала печать ногтем. Воск треснул, как косточка.

Внутри был короткий текст — слишком короткий для того, чтобы менять жизнь:

«Вера Арден направляется в поместье Чернокамень. На поместье возложены долги дома прежнего владельца. Управление — на ссыльной. Выезд запрещён до полного погашения задолженности и снятия печати Совета».

Вера перечитала медленно.

— Долги, — сказала она вслух. — Прекрасно. Вы не просто выкинули меня — вы ещё и привязали к руинам.

— Это... — капитан снова сглотнул. — Это постановление.

— Постановление, — повторила Вера, и в её голосе появилась сталь. — Хорошо. Пусть будет так.

Она свернула бумагу аккуратно, будто складывала не приговор, а план.

— Один сундук, говорите?

— Да.

Вера подняла глаза и посмотрела туда, где за стенами продолжался бал.

— Тогда я возьму самое важное, — сказала она. — Себя.

Капитан не понял. Но Вера и не собиралась объяснять.

Она пошла к карете. На улице было темно, небо висело низко, как тяжёлый занавес. Фонари горели жёлтым светом, и в этом свете всё казалось чуть больше, чем должно.

Карета была чёрная. Без герба дворца. На двери — маленькая металлическая пластина с вырезанной башней.

Чернокамень.

Вера положила ладонь на ручку — и браслет снова потеплел. Но теперь боль была другой: не укус, а предупреждение. Как будто кто-то невидимый сказал ей: «Добро пожаловать».

Она обернулась в последний раз — не на дворец, а на себя прежнюю, ту, что верила, что «всё можно объяснить», если говорить правильно.

И отпустила.

Вера села в карету.

Дверца закрылась.

Колёса тронулись.

А на запястье под браслетом — там, где мгновение назад не было ничего — выступила тонкая тёмная линия, похожая на трещину в камне.

И линия медленно, едва заметно, потянулась вверх — к ладони.

Глава 2 — Чернокамень встречает хозяйку

Колёса кареты подпрыгнули на камне — и тёмная линия под браслетом рванула чуть выше, будто обрадовалась боли.

Вера резко сжала пальцы, стараясь не показать, как её прошило. Внутри тесной кареты пахло кожей, холодным железом и дорожной пылью. За окном, в щёлке между занавесками, тянулся ночной тракт: мокрый, блестящий, как чёрная лента.

— Потихе нельзя? — спросила она в пустоту, хотя знала: кучер услышит.

Снаружи послышался хриплый смехок.

— Дорога тут такая, госпожа... — он запнулся. — Леди.

«Леди». Слово звучало так, будто он вытаскивал его из кармана, где оно лежало вместе с медяками.

— Вера, — спокойно поправила она. — Просто Вера.

Молчание было недолгим.

— Как скажете... Вера.

Ей понравилось, что он всё-таки сказал. Не из уважения — из осторожности. Осторожность всегда полезнее ненависти.

Она опустила взгляд на запястье. Браслет сидел гладко, как украшение для бала, только холодный и слишком правильный. Если приглядеться, металл не отражал свет как обычное серебро — он будто поглощал его, делая кожу под ним бледнее.

Тёмная линия, похожая на трещину в камне, шла от внутренней стороны запястья к ладони, тонкая, как волос. Вера провела по ней пальцем другой руки — и вздрогнула: подушечки словно наткнулись на крошечные чешуйки.

— Не нравится? — спросил кучер, будто видел её через стенку.

Вера уставилась в занавеску.

— Я не просила комментариев.

— Я тоже не просил ехать ночью в Чернокамень, — буркнул он. — Но вот мы едем.

Слова повисли. Где-то далеко ухнул филин — или это был не филин.

Вера медленно выдохнула.

— Сколько ещё? — спросила она ровно.

— До рассвета дотянем, если кони не сдохнут, — ответил кучер. — Дальше начнутся поля.

— Поля?

— Мёртвые.

Вера на секунду закрыла глаза, словно это могло сделать «мёртвые» менее реальными.

— И что значит «мёртвые»?

Кучер сплюнул — она услышала звук даже через дерево.

— Значит, там не растёт. Не поёт. Не живёт. И люди туда не ходят.

— Люди всегда куда-то ходят, — сказала Вера. — Вопрос в цене.

Кучер снова хмыкнул.

— В Чернокамне цена такая, что лучше остаться дома.

«Дома». Она могла бы засмеяться, если бы смех не застрял на ребре.

Вера прижала ладонь к окну. Стекло было холодным, мокрым от тумана. Она почти видела своё отражение — ту самую женщину в дорогом платье, которую только что «похоронили» при свечах.

— Ты дрожишь, — вдруг сказал кучер.

— От дороги, — сухо ответила она.

— От страха.

Она медленно повернула голову, будто могла посмотреть на него взглядом сквозь дерево.
— Страх — полезная вещь, — произнесла Вера. — Он помогает выбирать, кто будет жить.

— И кто? — спросил кучер, и в голосе его мелькнуло любопытство.

Вера улыбнулась — без веселья.

— Я.

Карета снова подпрыгнула. Трещина под браслетом дернулась, как живая, и Вера до боли сжала зубы, чтобы не зашипеть.

Рассвет в этих местах не приходил — он просачивался.

Сначала мир становился серым, потом ещё более серым, а потом из этой серости вылезали силуэты. Кривые деревья. Холмы. Заборы, будто сплетённые из костей. И поля — действительно мёртвые: земля лежала гладкой, как выжженная кожа, а редкие стебли торчали, как иглы.

— Вот они, — сказал кучер, и голос его стал тише.

Вера отодвинула занавеску и посмотрела. Поле было покрыто тонким налётом инея, хотя воздух уже должен был быть тёплым. Ветер шёл по земле, но не шевелил ничего — словно не находил, за что зацепиться.

— И давно так? — спросила Вера.

— С тех пор, как прежний хозяин... — кучер не договорил.

— Умер?

Он коротко хмыкнул.

— Если бы умер, было бы проще.

Вера не повернулась. Ей не нужно было видеть его лицо, чтобы понять: он не пугает её ради удовольствия. Он сам боится.

— Как тебя зовут? — вдруг спросила она.

— А это зачем?

— Я не разговариваю с безымянными, — сказала Вера.

Пауза.

— Грэм, — буркнул кучер. — Грэм Холт.

— Хорошо, Грэм, — мягко сказала Вера. — Ты довезёшь меня до ворот и получишь свои деньги. А дальше — решишь сам, где тебе безопаснее.

Он усмехнулся, но в усмешке не было уверенности.

— Безопаснее? В этих местах?

Вера посмотрела на поля, на туман, на белые следы инея.

— Безопаснее — рядом с тем, кто платит, — сказала она. — И рядом с тем, кто не бросает людей умирать.

— Вы... — Грэм кашлянул. — Ты думаешь, Чернокамень платит?

— Я думаю, Чернокамень должен, — ответила Вера. — А долги, как известно, возвращают.

Карета въехала в узкий лесок. Деревья здесь были чёрными, кора на них местами треснула, словно от огня. Между стволами висели лохмотья тумана, и казалось, будто кто-то прячется там и дышит в спину.

Вера машинально положила руку на браслет. Металл чуть потеплел, как если бы под ним была крошечная печка.

— Не трогай, — быстро сказал Грэм. — Не трогай эту штуку.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что... — он запнулся. — Потому что печати не любят, когда их трогают.

Вера подняла бровь.

— А что, они у тебя кусаются?

— В Чернокамне кусается всё, — сказал он глухо.

Она промолчала. Ей не хотелось признавать, что эти слова цепляют. Но она запоминала. Всё, что могло спасти жизнь, стоило запоминания.

Ворота показались внезапно.

Сначала Вера увидела стену — низкую, из тёмного камня, будто сложенную из ночи. Потом — башенку с обвалившейся крышей. Потом — железные створки ворот, покрытые ржавчиной и странными потёками, словно металл плакал.

На воротах был герб: башня и крылья. Тот же, что на печати ссылки.

Грэм остановил карету так резко, что Вера ударилась плечом о стенку.

— Приехали, — сказал он и не двинулся.

Вера выпрямилась, расправила платье — нелепое для этой грязи и мрака — и открыла дверцу. Холодный воздух ударил в лицо. Он пах сыростью, камнем и чем-то ещё — затхлым, как закрытый сундук.

Её нога ступила на землю — и браслет обжёг.

Не так, как у дворца. Здесь было иначе. Будто запрет не предупреждал, а приветствовал. Будто печать сказала: «Ты моя».

Вера подавила вскрик и заставила себя улыбнуться.

— Очаровательно, — произнесла она вслух.

— Я дальше не поеду, — сразу сказал Грэм, спрыгивая с козел. — Я до ворот довёз.

— А сундук? — Вера кивнула на заднюю часть кареты.

— Я поставлю. И уйду.

— Грэм, — Вера произнесла его имя мягко, но с нажимом. — Ты не уйдёшь, пока я не увижу человека, который отвечает за поместье.

Грэм побледнел.

— Никто тут не отвечает.

— Тогда начну я, — сказала Вера.

Она подошла к воротам. На камне рядом висел колокол — маленький, зелёный от времени. Вера взяла верёвку и дёрнула.

Колокол звякнул... и звук ушёл куда-то внутрь стены, будто его проглотили. Никакого эха. Никакого ответа.

— Ну? — спросила Вера, не оборачиваясь.

Грэм нервно переступил с ноги на ногу.

— Я говорил...

Вера дёрнула ещё раз. Колокол звякнул. И снова — тишина.

Тогда она прижала ладонь к воротам. Холодный металл был чуть влажным. Трещина под браслетом вспыхнула болью — и в тот же миг железо под её рукой чуть дрогнуло.

Словно ворота... вдохнули.

Вера отдёрнула ладонь.

— Ты это видел? — резко спросила она.

— Нет, — быстро ответил Грэм. Слишком быстро. — Ничего я не видел.

Ложь была такая прозрачная, что Вера могла бы её порезать.

— Тогда не ври, — сказала она устало. — Мне нужны люди, Грэм. И правда.

Он сглотнул.

— Я... видел. Но это... — он махнул рукой. — Это Чернокамень.

— Отлично, — Вера повернулась к воротам снова. — Значит, будем знакомиться.

Она подняла подбородок и громко произнесла:

— Я Вера Арден. По постановлению Совета — хозяйка Чернокамня. Откройте.

Тишина длилась слишком долго.

Потом в глубине поместья что-то щёлкнуло. Не металл — скорее дерево. Будто кто-то снял засов.

И створки ворот медленно, с тягучим скрипом, разошлись сами.

Грэм отшатнулся.

— Я же говорил... — прошептал он.

— Ты говорил, что всё кусается, — сказала Вера. — Пока что оно только смотрит.

Она шагнула внутрь.

За воротами начиналась дорога из каменных плит. Некоторые плиты были провалены, между ними пророс мох — странно яркий на фоне мёртвых полей. По обе стороны стояли перекошенные фонари. Дом виднелся впереди: большое здание из тёмного камня, с выбитыми окнами, с крышей, местами провалившейся. Башня справа была накрена, будто собиралась упасть.

И всё равно... даже в развалинах чувствовалась власть.

Чернокамень не был бедным домом. Он был... наказанным.

Вера остановилась на секунду, и впервые за всю ночь внутри что-то дрогнуло по-настоящему.

Она одна.

Одна — и вокруг то, что все называли могилой.

«Не реви», — приказала себе Вера. «Не сейчас. Потом. В одиночестве. В углу. Но не здесь».

— Сундук, — напомнила она себе вслух и обернулась к Грэму. — Неси.

— Я... — Грэм посмотрел на дорогу, на дом, на пустые окна. — Я оставлю у ворот.

— У ворот его украдут, — сказала Вера.

Грэм сглотнул.

— Тут некому.

— Тогда тем более неси, — отрезала она.

Грэм ругнулся тихо, но поднял сундук. Пошёл следом, как человек, которого ведут на казнь и которому всё равно нужно донести свою ношу.

Они дошли до крыльца. Двери дома были распахнуты, но внутри стояла темнота, густая, как старый дым.

— Эй! — громко крикнула Вера. — Есть кто живой?

Тишина.

Потом из темноты послышались шаги. Медленные. Осторожные.

В проёме появился мужчина лет пятидесяти, худой, с серыми волосами, собранными в хвост. На нём был поношенный камзол, но даже в бедности держался он с достоинством. Глаза — светлые, настороженные.

Он посмотрел на Веру так, словно пытался понять, не призрак ли она.

— Вы... — голос у него был хриплый. — Вы не должны были приехать.

— Прекрасное приветствие, — сказала Вера. — Вы кто?

Мужчина медлил.

— Управляющий, — наконец произнёс он. — Саймон Грейв.

— Отлично, Саймон Грейв, — Вера шагнула ближе. — Я — Вера. Теперь я здесь. И у меня два вопроса: где люди и где кухня.

Саймон моргнул, как человек, которому ударили по голове неожиданной практичностью.

— Люди... — он облизнул губы. — Люди ушли.

— Все?

— Те, кто мог, — тихо сказал он. — Остались... немногие. Внизу. Боятся подниматься.

— Чего? — Вера прищурилась.

Саймон посмотрел на её запястье. На браслет. И быстро отвёл взгляд, будто обжёгся.

— Дома.

Вера кивнула, будто это было самым обычным ответом.

— Кухня?

Саймон словно очнулся.

— Если... если вы правда хотите войти, — сказал он, и голос его дрогнул, — то... прошу.

— Я не «хочу», — спокойно ответила Вера. — Я буду.

Она шагнула в дом.

Внутри пахло плесенью, пеплом и чем-то сладким, неприятным — как у старых лекарств. Пол скрипел. В углах темнели следы сырости. На стенах висели гобелены, изъеденные молью, и портреты, лица на которых были испорчены — будто кто-то специально выцарапал глаза.

Грэм поставил сундук у стены и попятился.

— Всё, — быстро сказал он. — Я...

— Стой, — Вера посмотрела на него. — Деньги получишь у кухни. И уйдёшь только после того, как выпьешь чаю. Иначе свалишься в канаву по дороге.

— Я не...

— Это не просьба, — сказала Вера.

Грэм открыл рот, но закрыл. Посмотрел на Саймона, словно тот мог спасти.

Саймон только пожал плечами — мол, раз уж она пришла, пусть будет как сказала.

Они прошли по коридору. Под ногами хрустнуло стекло. Где-то наверху поскрипывало, будто кто-то ходил. Вера остановилась.

— Кто там? — спросила она.

Саймон побледнел.

— Ветер.

— Ветер не ходит, — спокойно сказала Вера. — Ветер свистит.

Грэм тихо выругался.

— Здесь... так бывает, — сказал Саймон. — Пожалуйста. Не смотрите наверх.

Вера посмотрела на него внимательно.

— Саймон, — тихо сказала она, — если вы хотите, чтобы я выжила, вы будете говорить правду.

Саймон сжал губы.

— Я хочу, чтобы вы уехали, — сказал он честно. — Тогда у вас есть шанс.

Вера кивнула.

— Шанса у меня нет, — ответила она. — У меня есть только работа.

Они вошли в кухню. Там было чуть теплее, потому что в камине тлели угли — кто-то поддерживал огонь, значит, дом не был совсем пустым.

У стола стояла женщина средних лет, широкоплечая, с руками, красными от работы. Она держала в руках нож — не угрожающе, но уверенно.

— Кто это? — спросила она Саймона.

— Хозяйка, — выдохнул он, будто это слово было камнем.

Женщина посмотрела на Веру с недоверием.

— Хозяйка? — она сплюнула в угол. — Последняя хозяйка умерла через неделю.

Грэм дёрнулся, как от удара.

Вера не моргнула.

— Как вас зовут? — спросила она женщину.

— Марта, — буркнула та. — А вам что?

— Марта, — Вера произнесла имя чётко. — Я не умру через неделю. И сейчас мне нужен чай, хлеб и список того, что у вас осталось.

Марта засмеялась — грубо.

— Список? У нас осталось два мешка муки, полмешка крупы и страх.

— Страх в список тоже запишем, — спокойно сказала Вера. — Только в графу «лишнее». Саймон посмотрел на неё так, будто впервые увидел свет.

— Вы... не понимаете, — прошептал он.

Вера повернулась к нему.

— Я понимаю одно: если вы говорите «умирали», значит, тут есть причина. И я её найду. Марта поставила кружку перед Верой так, что чай плеснул.

— Найдёте? — прищурилась она. — А если причина найдёт вас первая?

— Тогда мы познакомимся, — сказала Вера и сделала глоток. Чай был горький, слабый, но горячий — и это было важнее вкуса.

Грэм переминался у двери, готовый сбежать.

— Саймон, — Вера поставила кружку. — Где остальные?

Саймон вздохнул.

— Внизу. В старых комнатах. Там... безопаснее.

— Почему? — спросила Вера.

Саймон медлил, но Марта ответила за него:

— Потому что дом ночью просыпается.

Вера посмотрела на Марту.

— И что он делает?

Марта постучала ножом по столу — раз, два.

— Он зовёт. Скребётся. Шепчет. Иногда... — она скривилась. — Иногда забирает.

Грэм побледнел окончательно.

— Я пошёл, — выдавил он.

— Сначала деньги, — напомнила Вера. — И чай допей.

Грэм посмотрел на её лицо — и, видимо, понял: спорить бесполезно.

Вера откинулась на спинку стула, делая вид, что всё под контролем. Внутри же впервые за всё это время ей захотелось закрыть глаза и исчезнуть на минуту.

Уязвимость накрыла неожиданно: не слёзы, а пустота. Она вдруг подумала о том, как звучали скрипки за спиной, когда её уводили. Как Рэйгар сказал «свободна». Как не посмотрел.

Вера резко вдохнула — и сжала пальцы на кружке.

— Дайте мне бумагу, — сказала она.

Саймон моргнул.

— Бумагу?

— Да, — Вера подняла взгляд. — И уголь. Или чернила. Что угодно.

Марта фыркнула.

— Зачем?

— План, — сказала Вера. — Если дом кусается, значит, нам нужна пасть и поводок.

Саймон вдруг кивнул и исчез в коридоре. Вернулся с листами и огрызком угля.

Вера разложила бумагу на столе и начала писать.

— Первое: инвентаризация, — проговорила она вслух. — Еда, вода, дрова, инструмент.

Второе: люди. Сколько их, кто умеет что. Третье: крыша. Четвёртое: охрана.

Марта хмыкнула.

— Охрана? Кого охранять? Тут же пусто.

— Пусто — это всегда обман, — сказала Вера. — Где пусто, там обычно кто-то прячется.

Грэм кашлянул.

— У вас... у тебя печать на руке, — сказал он, кивая на браслет. — Она... она не просто запрет. Она Чернокамень привязывает.

Вера подняла на него взгляд.

— Откуда ты знаешь?

Грэм отвёл глаза.

— Я возил сюда... — он замолчал.

Вера не давила. Она просто ждала.

Грэм сдался.

— Я возил сюда двух, — признался он. — Одну — молодую, плакала. Вторую — злую, как вы. Они... не вернулись.

Марта отвернулась, будто это было неприятно.

Саймон опустил голову.

Вера почувствовала, как по спине прошёл холод, но голос остался ровным.

— Что с ними случилось?

Саймон заговорил тихо:

— Первая пыталась сбежать. Браслет сжёг ей руку. Она... — он сглотнул. — Она сошла с ума от боли и страха. Вторая... думала, что победит. Она полезла наверх ночью. Дом не любит, когда его тревожат.

Вера медленно кивнула, запоминая.

— Значит, — сказала она, — правило номер один: не пытаться бежать. Правило номер два: ночью наверх не ходить. Пока.

Марта посмотрела на неё с подозрением.

— «Пока»?

— Да, — Вера подняла глаза. — Потому что потом мы будем ходить куда захотим.

— Мы? — Марта скривилась. — Вы говорите «мы», будто вам тут рады.

Вера улыбнулась.

— Мне не нужно, чтобы мне радовались. Мне нужно, чтобы вы жили.

Марта хотела что-то сказать, но промолчала. Саймон выдохнул так, будто ему стало легче.

— Вера, — неожиданно произнёс Грэм, — вам... тебе охрану прислали.

Вера подняла голову.

— Какую охрану?

Грэм мотнул головой в окно. Снаружи послышался стук копыт.

К кухне подъехали двое всадников в тёмных плащах. На их плечах — серебряные чешуйки. Драконья стража.

Вера поднялась, чувствуя, как внутри всё сжалось — не от страха, от злости.

— Он решил контролировать даже это, — сказала она сквозь зубы.

Марта фыркнула:

— «Он»?

— Герцог Арден, — холодно ответила Вера.

Саймон побледнел.

— Здесь... его люди? — шепнул он.

— Да, — Вера выпрямилась. — Но не факт, что по его воле.

Она вышла во двор.

Всадники спешили. Один был молодой, с лицом, на котором ещё не застыли чужие смерти. Второй — старше, с глазами, пустыми как сталь.

Старший заговорил первым:

— Вера Арден?

— Да, — ответила она. — Чего надо?

Молодой всадник дёрнулся, будто не ожидал такого тона.

Старший достал кожаный тубус и протянул.

— Приказ герцога Рэйгара Ардена. Вам выделена охрана на время... пребывания.

— На время ссылки, — поправила Вера.

— На время пребывания, — сухо повторил он.

Вера взяла тубус, не отводя взгляда.

— И в чём подвох?

Молодой всадник открыл рот, но старший сказал ровно:

— Подвоха нет. Мы здесь, чтобы вы не покинули поместье.

Вера усмехнулась.

— То есть вы — цепь с ногами.

— Если хотите, — пожал плечами старший.

Вера распечатала тубус. Внутри был короткий приказ с печатью дома Пепельных Крылев. Почерк Рэйгара — резкий, узнаваемый:

«Стража остаётся при Вере Арден. Не вмешиваться без необходимости. Не допустить выезда. Обо всём необычном докладывать напрямую».

Вера прочитала дважды.

— «Обо всём необычном», — тихо повторила она. — Вот как.

Она подняла глаза на стражника.

— Имя.

— Дорн, — ответил старший. — Сержант Дорн.

— А ты? — спросила Вера, глядя на молодого.

— Лис, — быстро сказал тот. — Рядовой Лис.

Вера кивнула.

— Хорошо, Дорн. Хорошо, Лис. У меня правило: кто под моей крышей — работает. Хотите стоять цепью? Будете цепью, которая таскает дрова, чинит крышу и охраняет людей. Иначе — можете сразу разворачиваться.

Дорн прищурился.

— Мы подчиняемся герцогу.

— А герцог приказал «не вмешиваться без необходимости», — спокойно сказала Вера. — Сейчас необходимость — выживание. Если вам не нравится, напишите ему.

Лис едва заметно улыбнулся — и тут же спрятал.

Дорн подумал секунду.

— Где ставить пост?

— Сначала — где у вас кони будут пить, — ответила Вера. — Потом покажу, где у нас крыша течёт.

Она развернулась и пошла обратно в дом. И только войдя в коридор, позволила себе тихо прошептать, так, чтобы никто не услышал:

— Спасибо... и иди к демонам.

Неясно, кому это было адресовано — Рэйгару, судьбе или самому дому.

К вечеру в Чернокамне впервые за долгое время стало похоже на жизнь.

Не на уют — на жизнь.

Марта с ворчанием выдала людям остатки муки и заставила печь лепёшки. Саймон, как будто вспомнив, что он управляющий, вытащил из кладовой старые списки долгов и ключи от помещений. Лис таскал дрова так старательно, будто хотел доказать, что он не просто «цепь». Дорн проверял окна и двери, молча отмечая слабые места.

Вера ходила по дому, как по ране: касалась стен, смотрела на трещины, считала ступени, отмечала, где сквозит. Она заставила людей собрать в одной комнате всё, что годилось для починки: гвозди, доски, верёвки.

— Завтра начнём с крыла над кухней, — сказала она Саймону. — Если кухня рухнет, мы умрём быстрее, чем проклятие успеет нас попробовать.

Саймон кивнул, и в его глазах впервые мелькнуло что-то, похожее на надежду.

— Вы... правда думаете, что можно... — он не договорил.

— Я думаю, что можно всё, — ответила Вера. — Вопрос в цене.

— Цена тут высокая, — пробормотал Дорн за её спиной.
Вера обернулась.

— Вы же не вмешиваетесь, сержант?

— Я наблюдаю, — сухо сказал он.

— Тогда наблюдайте молча, — отрезала Вера.

Дорн не обиделся — только кивнул. Он был из тех, кто уважает силу, даже если она женская.

Когда солнце окончательно ушло, туман поднялся с полей и пополз к дому, как белая грязь. Окна потемнели. Тени в коридорах стали глубже.

Марта сама принесла Вере одеяло.

— Не думайте, что я вас люблю, — буркнула она. — Просто... — она запнулась. — Просто нельзя, чтобы хозяйка сдохла в первую ночь.

Вера взяла одеяло.

— Спасибо, Марта.

— Не за что, — буркнула та и ушла.

Саймон проводил Веру до комнаты — небольшой, но чистой. Здесь было окно, занавески, даже старая кровать. На стене висел портрет мужчины с холодными глазами — прежний хозяин? Лицо было целым. Глаза — нет. Их кто-то выцарапал.

— Это... — Саймон быстро отвёл взгляд. — Это лучшее, что у нас есть.

— Саймон, — Вера повернулась к нему. — Если я умру, вы останетесь. Вы это понимаете?

Он побледнел.

— Я не хочу умирать.

— Тогда будем жить, — сказала Вера. — И вы начнёте с того, что расскажете мне всё.

Саймон сглотнул.

— Не сейчас, — прошептал он. — Ночью дом слушает.

Вера подняла бровь.

— Дом слушает?

Саймон кивнул, будто это было очевидно.

— Он... слышит слова. Особенно правду.

— Значит, — тихо сказала Вера, — мы будем говорить правду шёпотом.

Саймон почти улыбнулся — и тут же испугался своей улыбки.

— Если услышит... будет плохо.

— Тогда мне нужен ваш страх тоже, — сказала Вера. — Чтобы понимать, что именно не делать.

Саймон выдохнул.

— До вас... сюда присылали женщин. Одну — совсем девочку. Другую — гордую. Они обе... — он закрыл глаза. — Они обе думали, что Чернокамень — просто руины. Но он — не руины. Он — ловушка.

— Кем поставленная? — спросила Вера.

Саймон молчал слишком долго.

— Домом, — прошептал он наконец. — И тем, что в нём живёт.

Вера почувствовала, как браслет на запястье потеплел. Трещина под ним дёрнулась — будто услышала.

— Хорошо, — сказала Вера, подавляя холод. — Завтра продолжим.

Саймон кивнул и ушёл, закрывая дверь осторожно, будто боялся её разбудить — или дом.

Вера осталась одна.

Тишина была неправильной: слишком плотной. Словно дом затаился, чтобы слушать её дыхание.

Она сняла платье, оставшись в простой рубаше, и легла, не раздеваясь полностью. Под одеялом было холодно. Она смотрела в потолок, и впервые за весь день позволила себе одну слабость: чуть-чуть дрожать.

Не от холода.

От того, что никто не придёт и не спасёт.

От того, что спасать придётся самой.

«Я справлюсь», — сказала она себе мысленно.

И тут в коридоре послышался звук.

Не шаги.

Скребок. Как ногтями по камню.

Вера напряглась, не двигаясь.

Скребок повторился — ближе.

Потом — шёпот. Не слова. Слоги, будто дом пытался вспомнить язык.

Вера медленно села. Браслет на запястье загорелся теплом, и трещина поползла дальше — к ладони.

— Нет, — прошептала Вера. — Только не сейчас.

Шёпот стал громче.

И вдруг на стене напротив, над выцарапанными глазами портрета, проявился знак — тонкая линия света, складывающаяся в символ башни и крыльев.

Знак вспыхнул — и будто посмотрел на неё.

Вера замерла.

А знак — медленно, очень медленно — начал менять форму, как живой.

И в этой форме проступили буквы.

Одно слово.

Её имя.

«Вера».

Глава 3 — Цена тишины

Слово на стене не исчезало.

Оно светилось тонко, как тлеющий уголь под пеплом: **«Вера»** — и каждая буква будто дышала, подстраиваясь под её вдохи. Дом молчал, но это молчание было не пустым, а внимательным. Как у зверя, который лежит в темноте и слушает, как ты переступаешь.

Вера сидела на краю кровати, не двигаясь, и пыталась понять главное: это угроза или приглашение.

— Хорошо, — прошептала она наконец, потому что тишина давила сильнее страха. — Я здесь. Ты доволен?

Браслет на запястье потеплел, «трещина» под ним дернулась и протянулась едва заметно к центру ладони — как нитка, которую тянут.

Вера выдохнула сквозь зубы.

— Понятно, — сказала она уже громче. — Ты отвечаешь. Значит, у нас с тобой будет разговор.

Её собственный голос прозвучал слишком смело для комнаты, где воздух казался густым. Слова как будто падали на пол и не отскакивали эхом — их ловили стены.

Она поднялась и подошла к знаку. Медленно, чтобы не спровоцировать лишнего. Пальцы тянулись сами — проверить, потрогать, убедиться, что это не сон. Но разум кричал: **не трогай**.

Вера остановилась в шаге от стены.

— Ты меня знаешь, — произнесла она тихо. — Вопрос... откуда?

Буквы дрогнули и стали чуть ярче. Тепло под браслетом усилилось — как предупреждение.

— Ладно, — Вера кивнула сама себе. — Не сейчас. Не в первую ночь. Я не дурочка.

Она отвернулась и подошла к двери, открыла её резко — чтобы не дать себе передумать. Коридор был пуст. Но сквозняк, который ударил в лицо, пах не холодом, а чем-то железным, будто рядом стояла открытая рана.

Вера шагнула в коридор и громко сказала:

— Дорн!

Никакого ответа.

Она прошла два шага, сдерживая раздражение, и повторила, ещё громче:

— Сержант Дорн!

Издалека, снизу, послышался топот — и сразу вслед за ним спокойный голос:

— Здесь.

Дорн поднялся по лестнице, держа руку близко к ножнам. Лис шёл за ним, чуть позади, глаза широко раскрыты — он выглядел так, будто каждую тень в этом доме готов был принять за смерть.

— Что случилось? — коротко спросил Дорн.

Вера указала большим пальцем за плечо.

— Дом написал моё имя на стене.

Лис замер.

— На... стене?

— Проверьте, — сказала Вера. — И без глупостей.

Дорн не спорил. Прошёл в комнату, оглядел знак, не приближаясь слишком близко. Его лицо осталось каменным, но по тому, как напряглись плечи, Вера поняла: он не считает это «обычным».

— Это... — Лис сглотнул. — Это магия?

— Это дом, — сухо сказал Дорн. — И это «необычное».

Вера уловила, как он подчёркнуто произнёс слово из приказа. Будто мысленно уже составлял доклад.

— Докладывать будете? — спросила она.

Дорн взглянул на неё.

— Обязан.

— Тогда докладывайте, — Вера улыбнулась без тепла. — Только добавьте: хозяйка жива. И не собирается умирать тихо.

Лис нервно хихикнул, тут же подавился своим смешком.

— Что мне делать? — спросил Дорн.

— Пока — ничего, — ответила Вера. — Выставьте пост внизу и не пускайте людей наверх ночью. И ещё... — она задержала взгляд на знаке. — Никто не должен видеть это слово, кроме нас.

— Почему?

— Потому что они начнут бояться, — Вера сказала это резко, как приказ самой себе. — А страх здесь — валюта. Мне не нравится, когда дом расплавляется людьми.

Дорн смотрел на неё секунду дольше, чем требовалось.

— Вы говорите так, будто знаете.

Вера не отвела взгляд.

— Я говорю так, потому что хочу жить.

Дорн кивнул.

— Будет сделано.

Лис попятился к двери, не сводя глаз со слова на стене.

— Оно... оно моргает, — прошептал он.

— Не моргает, — отрезала Вера. — Дышит.

И от этого «дышит» у Лиса стало ещё хуже.

— Лис, — сказала Вера мягче. — Если ты побежишь, дом услышит. Не давай ему удовольствия.

Лис медленно кивнул, побледнев.

Дорн жестом вывел его из комнаты.

— Я буду у лестницы, — бросил Дорн через плечо. — Если что-то изменится — зовите.

Вера осталась одна.

Слово на стене теперь светилося чуть слабее, словно дом насытился тем, что она увидела и признала.

Вера вернулась на кровать и села, уставившись в темноту.

И впервые позволила себе один честный вопрос, без позы, без брони:

— Рэйгар... что ты от меня спрятал?

Ответа не было.

Но браслет подрагивал теплом, как будто чужая рука держала её запястье.

Утро началось с крика.

— ВОДА! Ведро воды! Быстро!

Вера выскочила в коридор, ещё не успев толком открыть глаза — и увидела Марту, которая неслась по лестнице вверх, распахнув дверь в кладовую. За ней семенила девчонка лет пятнадцати с пустым ведром и глазами, круглыми от ужаса.

— Что горит? — Вера сжала кулаки.

— Не горит! — Марта остановилась, тяжело дыша. — Течёт! И если сейчас не подставим, у нас весь угол сгниёт к демонам!

— Где? — Вера уже шла.

— Над кухней, как вы вчера и говорили! — Марта мотнула головой, будто это было обвинением.

— Тогда чего орёшь? — Вера вошла в кладовую, увидела капли, которые били с потолка, и сразу оценила: не катастрофа, но если дать ещё день — станет катастрофой.

— Потому что вы обещали «завтра», а завтра уже здесь, — буркнула Марта. — И крыша тоже здесь, чтоб ей провалиться.

Вера взяла ведро, сама подставила, проверила тряпки.

— Саймона сюда, — сказала она. — И Дорна.

— Зачем вам стража? — Марта прищурилась.

— Чтобы таскали доски, — ответила Вера. — Они тоже люди.

Марта хмыкнула, но не спорила.

Через десять минут в кладовой собрались Саймон, Дорн, Лис и двое местных мужчин — худые, настороженные, будто пришли не помогать, а смотреть, как умирают.

Вера уткнула уголь в бумагу — она успела вчера начать список — и ткнула пальцем:

— Крыша. Сейчас. Нужны доски, гвозди, верёвка. Кто умеет лазать?

Мужчины переглянулись. Один, с кривым носом, пробормотал:

— А если... если дом не даст?

Вера подняла голову.

— Дом не «даёт», — сказала она. — Дом — это камень и дерево. А камень и дерево подчиняются рукам.

Лис кашлянул.

— Вчера... наверху... — он не договорил.

— Вчера дом написал моё имя, — спокойно сказала Вера так, будто говорила о погоде.

— И знаете что? Он ничего не сделал. Значит, он слушает, а не кусает на каждый шаг.

Мужчины побледнели. Саймон резко шагнул к ней и почти прошипел:

— Не говорите так громко.

Вера повернулась к нему.

— Почему?

— Потому что... — Саймон сглотнул. — Потому что дом слышит правду.

— И ложь, — Вера прищурилась. — Значит, слушает всё.

Саймон замолчал. Его страх был не красивым, не драматичным. Он был привычным. С таким страхом живут годами, пока не забывают, что можно иначе.

— Вера, — Марта вдруг сказала тихо, но жёстко. — Тут лучше молчать.

— Вот это и есть ваша ошибка, — Вера поставила ведро под капли и выпрямилась. — Молчание — удобная пища для любого проклятия. Оно растёт в тишине, как плесень.

Дорн внимательно наблюдал, не вмешиваясь. Но глаза его стали чуть острее.

— Вы знаете природу проклятий? — спросил он.

— Я знаю природу людей, — ответила Вера. — А проклятия любят то же, что и люди: страх, секреты и слабость.

Саймон побледнел ещё сильнее.

— Вы... вы говорите, будто... — он запнулся. — Будто понимаете, чем это кончится.

— Кончится тем, что мы либо станем сильнее, либо исчезнем, — сказала Вера. — А исчезать я не умею. Дорн, Лис — на крышу. Саймон — показывайте, где у вас инструменты. Мужчины — со мной. Марта — продолжай печь.

— Печь? Сейчас? — Марта вспыхнула. — У нас крыша течёт!

— Именно поэтому, — Вера посмотрела на неё прямо. — Когда люди работают, им нужно есть. И когда дом пытается напугать, запах хлеба — лучший ответ.

Марта открыла рот, закрыла. И пошла, ворча, но уже быстрее.

Саймон наконец выдохнул и повёл Веру к старому чулану, где лежали гвозди и доски. По дороге он шепнул:

— Вы... вы делаете всё слишком быстро.

— Потому что иначе вы умрёте медленно, — так же тихо ответила Вера. — А я не люблю долгие смерти.

Саймон вздрогнул, будто её слова обожгли.

— Вера, — он остановился у двери чулана. — Ночью... то, что вы видели... Это знак. Дом помечает.

— Отлично, — Вера дёрнула дверь. — Пусть помечает. Зато я буду знать, что он меня не игнорирует.

— Игнорировать — было бы милостью, — прошептал Саймон.

Вера взглянула на него и впервые увидела не только страх, но и усталость.

— Тогда будем добиваться другой милости, — сказала она. — Снятия.

К полудню крыша над кухней была залатана кое-как, но она перестала течь.

Лис слез с крыши весь в грязи, но довольный, как мальчишка, который впервые сделал что-то правильно.

— Держится, — сообщил он.

Дорн вытер руки о плащ и сухо добавил:

— На неделю. Потом нужно менять балки.

— На неделю нам достаточно, — сказала Вера. — За неделю можно добыть материалы.

— Где? — спросил один из местных мужчин.

— Там, где есть люди, — Вера посмотрела на Саймона. — Рядом есть деревня?

Саймон колебался.

— Есть... но они нас боятся.

— Тогда мы начнём с того, что перестанем быть страшными, — сказала Вера. — Мы будем продавать. Обменивать. Платить.

Марта фыркнула:

— Чем? Плесенью?

Вера повернулась к ней, улыбнулась.

— Хлебом. И кое-чем ещё.

Саймон поднял брови.

— Чем?

Вера посмотрела на мёртвые поля за окном, на туман, и сказала:

— Лекарством.

Марта хмыкнула:

— У нас нет лекарств.

— Зато есть травы, — ответила Вера. — И старый сад, который вы боитесь трогать. Верно?

Саймон напрягся.

— Сад... да. Но туда...

— «Туда не ходят», — закончила Вера. — Я знаю. Поэтому туда пойду я.

Саймон схватил её за локоть почти инстинктивно — и тут же отпустил, будто вспомнил, кто она.

— Нельзя.

— Почему? — Вера наклонила голову. — Только честно.

Саймон сглотнул.

— Там... — он замялся. — Там умерла одна из...

Марта резко перебила:

— Хватит! Не надо ей это знать!

Вера повернулась к Марте медленно.

— Надо, — сказала она. — Иначе я наступлю на ту же яму.

Марта сжала губы, нож в её руке дрогнул.

— Тишина здесь — спасение, — прошептала она.

Вера подошла ближе.

— Нет, Марта, — Вера говорила тихо, но так, что в комнате стало холоднее. — Тишина здесь — корм. Вы кормите дом своим молчанием. И он растёт.

Марта отвела взгляд первой.

— Саймон, — продолжила Вера. — Веди меня в сад.

— Сейчас?

— Сейчас, — отрезала Вера. — Пока светло. Пока люди видят, что я не исчезаю, как другие.

Дорн шагнул вперёд.

— Я пойду с вами.

— Вы не вмешиваетесь без необходимости, — напомнила Вера.

— Это — необходимость, — сухо ответил он. — Приказ герцога: докладывать обо всём необычном. А вы — необычное ходячее.

Лис тихо прыснул, тут же притих.

Вера бросила Дорну взгляд, но спорить не стала.

— Хорошо. Идёте, но делаете то, что скажу.

— Да, — сказал Дорн. И в этом «да» было не подчинение, а признание её власти в этом доме.

Саймон провёл их через боковую дверь. За ней начинался запущенный двор, а дальше — каменная арка, увитая сухим плющом. За аркой был сад.

Когда-то он был роскошным: широкие грядки, кусты, дорожки из белого камня. Теперь всё заросло. Но среди серой листвы Вера заметила зелёные пятна — живые.

— Вот, — выдохнула она. — Видите? Не всё умерло.

Саймон судорожно вдохнул.

— Оно... оно растёт, потому что...

— Потому что проклятие не убивает всё сразу, — закончила Вера. — Оно оставляет наживку.

Она присела, сорвала листок с кустика, растёрла между пальцами. Запах был резкий, лекарственный.

— Полынь, — сказала она.

Саймон уставился.

— Вы... знаете травы?

— Я знаю, что помогает от боли, — ответила Вера. — И знаю, что боль здесь будет часто.

Дорн посмотрел на неё внимательнее, но ничего не сказал.

Вера прошлась по саду, собирая понемногу: полынь, мяту, зверобой — здесь они были дикими, но сильными. Под камнем нашла корешки, похожие на валериану. Всё складывала в ткань.

— Мы сделаем настойки, — сказала она. — Мази для суставов, для ран. У вас тут люди, наверное, кашляют от сырости?

Саймон кивнул, будто не хотел признавать.

— Кашляют. И... — он замолчал.

— И умирают, — спокойно сказала Вера. — Я понимаю.

Саймон побледнел. В этот момент в дальнем углу сада что-то зашуршало.

Лис вздрогнул.

— Кто там?

Шуршание повторилось. Не зверь — слишком ровно. Будто кто-то тащил ткань по земле.

Дорн положил руку на рукоять меча.

Вера подняла ладонь, удерживая его.

— Не провоцируйте, — тихо сказала она. — Оно ждёт реакции.
Шуршание стихло. Вера продолжила собирать травы, демонстративно спокойно.
— Видите? — сказала она полушёпотом Саймону. — Оно питается страхом. Когда вы пугаетесь — оно становится ближе.
Саймон сглотнул так громко, что Вера услышала.
— А ложь? — спросил он еле слышно.
Вера остановилась.
— Ложь — тоже страх, — ответила она. — Только упакованный.
Саймон опустил взгляд.
— Тогда... тогда мы обречены, — прошептал он.
— Нет, — Вера выпрямилась. — Тогда у нас есть метод. Мы перестанем кормить.
— Это невозможно, — прошептал Саймон.
Вера посмотрела на него прямо.
— Возможно. Но вы должны начать с одного: рассказать мне правду о прежнем хозяине.
Саймон дёрнулся, будто его ударили.
— Не здесь... не в саду... — он оглянулся.
— Где тогда? — спросила Вера. — В подвале? В кухне? В гробу?
Саймон стиснул зубы.
— В кабинете, — выдохнул он. — В старом кабинете. Там... там меньше слышно.
— Хорошо, — сказала Вера. — Веди.
Старый кабинет оказался заперт.
Дверь была тяжёлая, с бронзовой ручкой, на которой виднелся тот же герб: башня и крылья. Вера подёргала — не поддалось.
Саймон побелел.
— Я говорил... дом не любит, когда...
— Дом не любит многое, — сказала Вера. — Я тоже не люблю многое. Но мы здесь не для того, чтобы нравится друг другу.
Она оглядела дверь, заметила щель под порогом и слабый холодный сквозняк.
— Там пусто? — спросила она.
— Там... там вещи прежнего хозяина, — прошептал Саймон. — И... бумаги.
— Тогда нам туда, — Вера протянула руку к ручке — и браслет на запястье вдруг загорелся теплом.
Трещина под ним вспыхнула, будто ожила.
Ручка под пальцами Веры стала тёплой — и замок щёлкнул сам.
Дорн тихо выругался.
Лис широко раскрыл глаза.
Саймон отступил на шаг, словно дверь открылась не в кабинет, а в пасть.
Вера толкнула створку.
Внутри пахло старой кожей, чернилами и... дымом. Не настоящим дымом, а воспоминанием о нём.
Кабинет был огромен. Стол — массивный, из тёмного дерева. Стеллажи с книгами. На стенах — карты местности и какие-то схемы, частично оборванные. В углу — сейф.
И всё это покрывал слой пыли, кроме одного места.
На столе лежал дневник.
Будто кто-то только что положил его туда.
Вера подошла медленно, не отрывая взгляда.
— Он ждал, — прошептал Лис.
— Или нас ждут, — сухо ответил Дорн.
Вера взяла дневник. Кожа обложки была тёплой. Слишком тёплой.

— Кто был хозяином? — спросила она, не открывая.

Саймон сжал губы.

— Лорд Эйрик Чернокамень, — выдохнул он наконец. — Последний из рода. Он... — Саймон дрожал. — Он не был плохим в начале. Он был умным. Он хотел спасти земли. А потом... потом начал слушать то, что в доме.

— «То, что в доме», — повторила Вера. — И что оно ему сказало?

Саймон не ответил сразу. Марта была права: эта правда жгла.

— Что кровь — это ключ, — сказал он наконец. — Что страх — это дверь. Что ложь — это замок.

Вера почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Значит, проклятие строится на людях, — сказала она. — Оно не просто магия. Оно — привычка.

Саймон поднял на неё взгляд.

— Он заставлял людей молчать, — прошептал он. — Он запретил им говорить правду. Он наказывал за слова. А дом... дом рос.

Вера открыла дневник.

Страницы были исписаны мелким почерком. Первые записи были почти нормальными: «урожай», «поставки», «границы». Потом почерк менялся, становился резче.

Вера пробежала глазами строки, выхватывая слова: **«печать»**, **«клятва»**, **«Совет»**, **«кровь Арденов»**.

Она застыла.

— «Кровь Арденов», — повторила Вера вслух.

Дорн резко поднял голову.

— Что?

Вера посмотрела на него.

— Ничего, — сказала она спокойно, хотя внутри всё загудело. — Просто совпадение.

Но совпадений в таких местах не бывает.

Вера перелистнула дальше. Там была вложена бумажка — маленькая, пожелтевшая. На ней — рисунок ключа и подпись: «если она придёт — отдай».

— «Она», — прошептала Вера.

Саймон побледнел, глядя на записку, будто впервые её видел.

— Я... я клянусь, я не...

— Я верю, — сказала Вера. — Потому что если бы вы знали, вы бы убежали.

Она провела пальцем по странице — и под дневником что-то щёлкнуло.

Из-под ложного дна стола выскользнул ключ.

Ключ был старый, железный, с головкой в виде крыльев.

Вера подняла его. Металл был холодный.

— К чему он? — спросил Лис.

— Сейчас узнаем, — сказала Вера.

Дорн шагнул ближе.

— Вы понимаете, что это всё — «необычное»? — спросил он.

— Я понимаю, что это шанс, — ответила Вера. — А шанс — редкость. Не мешайте.

В этот момент в коридоре послышались быстрые шаги. Кто-то прибежал снизу.

— Хозяйка! — голос Марты. — К вам... к вам посланник!

Вера резко выпрямилась.

— Какой посланник?

— Драконий! — Марта выдохнула. — С печатью!

Дорн напрягся, как струна.

— Ко мне? — переспросил он.

— К ней! — Марта ткнула пальцем, даже не скрывая раздражения. — «К Вере Арден», сказал!

Вера закрыла дневник, сжала ключ в ладони.

— Идём, — сказала она.

Посланник ждал в кухне.

Это был не всадник в доспехах и не важный канцлер. Это был мальчишка-подросток, худой, с дорожной пылью на волосах. Он держал в руках запечатанный конверт и выглядел так, будто бежал всю дорогу, боясь остановиться.

Когда Вера вошла, он вскочил, едва не уронив письмо.

— Вы... Вера Арден? — спросил он, заикаясь.

— Да, — сказала Вера. — Давай.

Он протянул конверт обеими руками, как святыню. На печати — герб Пепельных Крыльев.

Сердце Веры стукнуло сильнее. Не потому что она скучала. Потому что любое письмо от Рэйгара могло быть либо ножом, либо верёвкой.

Она сломала печать одним движением.

Почерк был резкий, знакомый.

«Не смей позорить мой род в Чернокамне.
 Не смей жаловаться, не смей просить, не смей вызывать Совет.
 Если ты умрёшь — это станет их победой.
 Поэтому не умирай.

Стража при тебе. Дорн отвечает головой.
 О необычном — докладывать мне напрямую.

И...
 Не выходи в поля после заката.

Р. А.»

Вера перечитала дважды.

— «Не умирай», — повторила она тихо.

Марта фыркнула:

— Ох, как трогательно. Чуть не расплакалась.

Вера подняла на неё взгляд.

— Замолчи, Марта.

Марта удивлённо моргнула: Вера впервые сказала это не холодно, а с настоящим напряжением.

Посланник переминался.

— Он... он ещё велел передать, — мальчишка вытащил из сумки небольшой свёрток. — Вот. Это... это от герцога.

Свёрток был тяжёлый. Вера развернула ткань — внутри оказались: моток прочной верёвки, пакет гвоздей, маленький мешочек серебра и... тонкий флакон с тёмной жидкостью.

На флаконе была наклейка: «от ожога печати».

Вера замерла.

Лис ахнул:

— Он... он знал?

Дорн молча смотрел на флакон, и по его лицу было видно: теперь приказ «отвечать головой» стал ему понятнее.

Вера почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Не нежность. Не прощение.

Признание: **он всё-таки думает о последствиях.**

— Как тебя зовут? — спросила Вера посланника.

— Фен, госпожа... — он запнулся. — Вера.

— Фен, — Вера кивнула. — Ты ел?

Он покачал головой.

Марта уже тянула к нему миску с лепёшкой — ворчала, но кормила.

Вера сжала письмо, потом аккуратно сложила и спрятала за корсаж.

Саймон смотрел на неё, будто боялся спросить.

— Он велел... не выходить в поля после заката? — тихо произнёс Саймон.

— Да, — сказала Вера. — Значит, он знает больше, чем говорит.

Марта хмыкнула:

— Все они знают больше, чем говорят.

Вера села за стол, положила ключ рядом с собой. Взгляд Саймона упал на него — и он резко отвёл глаза.

— Саймон, — сказала Вера тихо. — Ты знаешь, что это.

Саймон сглотнул.

— Я... — он посмотрел на Дорна, на Лису, на Фена. — Не при них.

Вера постучала пальцем по столу.

— Дом питается тишиной, помнишь? — сказала она. — Значит, начнём платить ему другим.

Саймон побледнел.

— Вы хотите... говорить правду вслух?

— Не всё, — Вера наклонилась ближе. — Только то, что нужно, чтобы мы выжили.

Остальное — позже.

Саймон дрожал, но кивнул.

— Этот ключ... от комнаты лорда Эйрика, — прошептал он. — От той, куда он запирался, когда... когда начал слышать.

— Где она? — спросила Вера.

— Наверху, — сказал Саймон. — В западном крыле. Туда не ходят. Там... — он замолчал.

— Там забирают? — Вера закончила за него.

Саймон не ответил. И этого было достаточно.

Дорн сдвинулся, как будто хотел сказать «нет» заранее.

— Хозяйка, — произнёс он, выбирая слова. — Мой приказ — не вмешиваться без необходимости. Но я обязан сказать: идти туда сейчас — риск.

Вера посмотрела на него прямо.

— Сейчас день, — сказала она. — И у нас есть люди, которые должны видеть, что я не боюсь. Иначе они будут бояться вместо меня.

— А если дом ждёт именно этого? — спросил Дорн.

Вера улыбнулась.

— Тогда пусть подавится.

Лис тихо выдохнул, как будто ему понравилось.

— Марта, — Вера повернулась к кухарке. — Я хочу, чтобы ты сегодня сделала три вещи.

— Я? — Марта прищурилась.

— Да. Первое: хлеб. Второе: горячую воду. Третье: отвары из того, что я принесла из сада.

Марта посмотрела на травы, которые Вера выложила на стол.

— Это же... — она понюхала. — Это лекарственное.

— Именно, — сказала Вера. — Мы начнём делать то, что можем продавать. Лекарство, мази, настойки. Люди в деревне купят, даже если боятся. Боль всегда сильнее страха.

Марта хмыкнула — и впервые в её взгляде мелькнуло уважение.

— Ладно, — буркнула она. — Только если от этого дома отстанут.

— Дом не отстанет сам, — сказала Вера. — Его придётся заставить.

Она поднялась.

— Саймон. Дорн. Лис. Идём.

Фен подскочил:

— А я?

Вера посмотрела на него.

— Ты остаёшься внизу, — сказала она. — И если начнётся паника — говоришь людям, что хозяйка вернётся. Понял?

Фен кивнул так яростно, что у него подпрыгнули волосы.

— Понял!

— Вот и молодец, — сказала Вера.

И пошла к лестнице.

Западное крыло встретило их холодом.

Не обычным холодом старого дома — этот холод был как дыхание подземелья. Воздух пах железом и мокрым камнем, как в месте, где долго лежала вода и долго молчали люди.

Саймон шёл впереди, дрожа. Лис держался ближе к Дорну. Дорн шёл рядом с Верой, внимательно смотря по сторонам, словно пытался увидеть то, что не видно.

— Здесь... — прошептал Саймон. — Здесь лучше не говорить.

Вера остановилась.

— Почему?

Саймон не ответил. Просто указал на стены.

На стенах были царапины. Не старые. Относительно свежие. Как когти.

Лис сглотнул.

— Это... зверь?

— Это... — Саймон шепнул так тихо, что Вера едва слышала. — Это люди. Они пытались выйти.

Вера почувствовала, как в груди поднялась злость — чистая, горячая.

— Кто запер их? — спросила она.

Саймон замотал головой.

— Он... — и тут же осёкся.

— Лорд Эйрик, — сказала Вера. — Правильно?

Саймон кивнул, не поднимая глаз.

Вера сжала ключ крепче.

— Тогда мы откроем то, что он закрыл, — сказала она. — И закончим то, что он начал.

Дверь в конце коридора была чёрная, как обугленная. Ручка — холодная, словно лёд.

Вера вставила ключ.

Замок щёлкнул слишком легко.

Дорн напрягся:

— Слишком просто.

— Да, — согласилась Вера. — Значит, он хочет, чтобы мы вошли.

Лис прошептал:

— Мы не должны...

Вера обернулась к нему.

— Лис, — сказала она спокойно. — Ты можешь стоять за дверью. Я не заставляю. Но помни: если ты всё время будешь ждать, пока кто-то другой решит, ты проживёшь чужую жизнь.

Лис покраснел и сжал кулаки.

— Я... я пойду.

Вера кивнула и толкнула дверь.

Комната была маленькая. Почти пустая. В центре стоял стул и стол. На столе — ещё одна книга, тоньше дневника, и подсвечник. На стене — зеркало, завешенное тканью.

И в углу — след. Тёмный, как засохшая кровь.

Саймон закрыл рот рукой, чтобы не застонать.

— Здесь... — выдохнул он. — Здесь он делал... клятвы.

Вера подошла к столу и открыла тонкую книгу.

Это был не дневник. Это был список. Имена. Даты. Короткие отметки.

«Печать поставлена».
«Сломалась».
«Ушла».
«Забрал дом».

Вера листала — и внутри у неё становилось пусто.

— Сколько их... — прошептал Лис.

— Много, — сухо сказал Дорн.

Вера остановилась на одной странице.

Имя было не женское. Мужское.

И рядом — знак крыла.

— Арден, — тихо прочитала Вера.

Саймон дёрнулся.

— Это... — он начал, но не смог договорить.

Вера закрыла книгу и положила ладонь на стол. Браслет потеплел. Трещина под ним дрогнула, будто отзываясь на имя.

— Значит, Чернокамень связан с домом Пепельных Крыльев, — произнесла Вера вслух.
— И Рэйгар это знает.

Дорн резко поднял голову.

— Вы уверены, что стоит это говорить?

Вера посмотрела на него.

— А вы уверены, что стоит молчать?

Дорн молчал. И в этом молчании было признание: он не уверен ни в чём.

Вера шагнула к зеркалу и сорвала ткань.

Зеркало оказалось не зеркалом.

Это была тёмная поверхность, как обсидиан. И в ней — не отражение, а глубина. Как в воде ночью.

Вера застыла.

В обсидиане медленно проступили буквы.

Не её имя.

Фраза.

«Скажи правду — и выйдешь».

Саймон вскрикнул и тут же прикусил язык.

Лис попятился.

Дорн шагнул вперёд, закрывая Веру плечом.

— Назад, — приказал он.

Вера не отступила.

— Правду, — повторила она, глядя в обсидиан. — Какую?

Обсидиан потемнел ещё сильнее. И из него будто потянуло холодом.

Вера почувствовала, как у неё дрогнули колени — впервые за всё время.

Не от страха за себя.

От того, что правда может быть такой, что её не вынести.

— Вера, — шепнул Саймон, едва дыша. — Не надо...

Вера медленно повернула голову к нему.

— Саймон, — сказала она тихо. — Если ты хочешь жить, ты скажешь мне сейчас. Кто был последней хозяйкой? И как она умерла?

Саймон открыл рот. Закрыл. Потом выдавил:

— Её звали Элина... Она... — он судорожно вдохнул. — Она пыталась молчать. Считала, что так безопаснее. Дом... дом шептал ей ночами. Она боялась сказать правду даже себе. И

однажды... — Саймон побледнел. — Однажды она проснулась и не смогла вспомнить своё имя.

В комнате стало тише.

— И тогда дом забрал её, — продолжил Саймон, голос его ломался. — Потому что... потому что когда человек теряет имя — он становится пустым. А пустых здесь... используют.

Вера медленно выдохнула. Её пальцы сжали край стола.

— Значит, — сказала она, — дом питается страхом и ложью... но ещё и тем, что вы стираете себя молчанием.

Обсидиан дрогнул. Слова на нём вспыхнули ярче.

«ТЫ ПРАВДУ СКАЖИ».

— Какую? — прошептала Вера, чувствуя, как уязвимость поднимается комом. — Что меня унизили? Что меня выбросили? Что я... — она на секунду замолчала, потому что горло сжало. — Что я всё ещё хочу спросить «почему», хотя ненавижу себя за это?

Дорн смотрел на неё, не двигаясь.

Лис замер.

Саймон выдохнул.

Вера подняла голову и сказала в пустоту комнаты, в дом, в обсидиан, в собственную боль:

— Правда в том, что мне страшно. Но я не буду молчать. Я не исчезну. Я не позволю вам стереть моё имя.

И добавила, тихо, почти шёпотом — но честно:

— И правда в том, что я всё ещё жива не из упрямства... а потому что хочу доказать: они ошиблись.

Обсидиан вспыхнул — и на мгновение Вера увидела там не себя, а тёмные крылья, раскрытые над башней.

Потом поверхность погасла.

А дверь за спиной сама собой щёлкнула — и открылась.

Не та, через которую они вошли.

Другая. Скрытая, в стене.

Саймон выдохнул, как человек, который выжил после удара.

— Вы... — прошептал он. — Вы сказали правду. И...

— И вышли, — закончила Вера.

Вера подошла к скрытой двери. За ней был узкий проход и ступеньки вниз. Оттуда тянуло сухим воздухом — не влажным. Значит, там могло быть что-то ценное.

Она обернулась к Дорну:

— Постарайтесь запомнить: правда здесь — инструмент. Не слабость.

Дорн смотрел на неё долго, потом кивнул:

— Я запомню.

— А теперь, — Вера посмотрела на Саймона, — ты покажешь мне, что там.

Саймон дрожал, но пошёл.

Внизу была маленькая комната — тайник.

На полках стояли банки с засушенными травами, мешочки с порошками, стопка чистой ткани, коробка с воском и — самое главное — ящик с пустыми флаконами.

— Это... — Марта бы заплакала от счастья, подумала Вера. — Это готовая мастерская.

Саймон смотрел на всё это так, будто видел впервые.

— Я... я не знал, — прошептал он.

— Теперь знаешь, — сказала Вера. — И теперь это будет работать на нас.

Лис дотронулся до банки.

— Это... не испорчено.

— Потому что тайник сухой, — ответила Вера. — И потому что дом... — она замолчала, не желая давать ему лишнего. — Потому что мы успели.

Она взяла один флакон, покрутила в пальцах.

— Вот с этого начнётся наш доход, — сказала она. — И наша свобода.

Дорн посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с тревогой.

— Вы... собираетесь торговать?

— Я собираюсь жить, — сказала Вера. — А жизнь стоит денег.

Она забрала несколько банок и флаконов, велела Саймону вынести аккуратно.

На выходе из западного крыла Вера остановилась и посмотрела на коридор с царапинами.

— Мы туда ещё вернёмся, — сказала она. — Но ночью — нет.

Саймон кивнул, будто молитву.

К вечеру кухня пахла не только хлебом.

Она пахла травами.

Марта ворчала, но делала. Руки у неё были сильные, точные — она умела смешивать, кипятить, процеживать.

— Если от этого у кого-то случится понос, — грозно сказала она, — я вас сама закопаю.

— Если от этого кто-то перестанет кашлять кровью, — спокойно ответила Вера, — вы мне сами спасибо скажете.

Марта фыркнула, но уголки её губ дрогнули.

Фен сидел в углу и глазел, как на чудо.

— Вы правда это продадите? — спросил он.

— Да, — сказала Вера. — Завтра отправим Лиса с двумя флаконами и хлебом в деревню.

Не торговаться. Просто показать.

Лис побледнел.

— Я? В деревню?

— Ты быстрый, — сказала Вера. — И у тебя лицо не выглядит, как у убийцы.

— Спасибо... наверное, — пробормотал Лис.

Дорн вмешался:

— Я не отпущу его одного.

— Не надо, — Вера подняла ладонь. — Если деревня увидит драконью стражу, они закроют двери. Пусть идёт один. И пусть говорит правду: у Чернокамня новая хозяйка, она платит и лечит.

Саймон тихо сказал:

— Они не поверят.

— Тогда мы дадим им повод поверить, — ответила Вера.

Она держалась уверенно, но внутри у неё всё ещё жгло письмо Рэйгара. «Не умирай». Не просьба — приказ. И всё равно... забота в форме приказа была его стилем.

Поздно вечером, когда люди разошлись по нижним комнатам, Вера осталась одна в своей комнате.

Слова на стене исчезли. Будто дом сделал своё и ушёл в тень.

Вера села на край кровати, достала письмо, развернула, перечитала.

— «Не выходи в поля после заката», — прошептала она. — Значит, ты знаешь, что здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.